

Гунтер
Шольц
Дорр
ЛН160

Философия
моря

РДОМ
1990

Гунтер Шольц

Философия моря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73979367

Философия моря:

ISBN 978-5-908105-13-2

Аннотация

Фундаментальный труд Гунтера Шольца «Философия моря» (2016) рассматривает человека через историю его взаимодействия с морем. Понятие моря позволяет автору проследить механизмы рефлексии – от древнегреческого начала философствования вплоть до критики геополитических теорий XX века. Человек – сухопутное животное, море – его зеркало. Книга построена как морской круиз. Читатель путешествует по течению европейского времени, останавливаясь в узловых точках истории, навсегда изменивших взаимоотношения человека и моря: Милет и Эфес, Атлантида, Бенсалем, Тапробана и Океания, рождение естественного права в споре о свободе морей, свобода и гуманность в овладении морем, возвышенность моря, начало и конец истории прогресса.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Александр Нестеров	5
Куррикулум. Слово автору[2]	8
Что мы знаем о понимании?	13
Системы знания	25
Как работает история?	29
Человек – сухопутное животное. Заключение	39
Введение	41
1. Вода как основной принцип	48
Всё есть единое	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Гунтер Шольц

Философия моря

All rights reserved. No part of this book may be used or reproduced in any manner whatever without written permission except in the case of brief quotations embodied in critical articles or reviews.

Russian edition is published by arrangement with Literarische Agentur Kossack GbR.

Philosophie des Meeres by Gunter Scholtz

© 2016 by mareverlag, Hamburg

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Александр Нестеров

Философские миры

Гунтера Шольца:

техническая герменевтика, знание, история понятий

Европейская философия рубежа XX–XXI веков в России во многом ассоциируется с постметафизикой, постмодернизмом, постструктурализмом: сложно в целом представить себе современную философию истории или философию культуры, ориентированную на единую синтетическую точку зрения, на классические образцы мышления, на выявление, анализ и применение общих закономерностей человеческого Духа в его техническом и нравственном становлении. Преодолению подобных расхожих ассоциаций, утверждению и распространению классических моделей мысли служит издаваемая социально-гуманитарным институтом Самарского университета переводная серия монографий «*Spatium cosmicum ad vivendum*». В первом томе серии были опубликованы две монографии Фридриха Дессауэра¹, едва ли не последнего позитивного оптимистиче-

¹ Дессауэр Ф. Человек и космос. Опыт. Спор о технике: монография / пер. с нем. А. Ю. Нестерова. Т. 1. Самара: «Мудрая черепаха», 2024. – (*Spatium*

ского мыслителя Германии, стремившегося увидеть и естественную, и созданную человеком искусственную действительность *in*o *as*pectu. В настоящем издании представлена монография «Философия моря» Гунтера Шольца, специалиста не по философии естествознания и техники, но по философии истории и герменевтике. Дессауэр видел мироздание как соединение посредством человека физического, биологического, психического и духовного миров, осуществляющееся как рецептивно, в актах познания, так и проективно, в актах технической деятельности. Шольц показывает трансформацию этого соединения во взаимосвязанных процессах исторического развития философской рефлексии и естественной эволюции. История как способ организации и содержание индивидуальной и социальной памяти принадлежит космосу в том же смысле, что и природа: обе познаваемы и предсказуемы тогда и только тогда, когда в них царствует порядок, а не хаос, когда случайное – повод для роста знания о закономерном. Различие между природой и историей сугубо техническое: если над естественным космосом природы человек уже несколько тысячелетий выстраивает метакосмос искусственных сред обитания, всё глубже и яснее познавая устройство естества и умело применяя это знание в своих интересах, то построение исторического метакосмоса, метаистории пока наталкивается на фундаментальное незнание, на скрытые пока от человека законы исторического, на гра-

ницы понимания, препятствующие робким попыткам управления историческим процессом даже в небольших масштабах.

Куррикулум. Слово автору²

Я начал изучать философию в 1962 году в Университете Мюнстера. Философские исследования этого университета находились под влиянием Иоахима Риттера и его учеников. Основным интерес Риттера был связан с философией Аристотеля и Гегеля, однако в основанной им философской коллегии [Collegium Philosophicum] в дискуссиях принимали участие представители и других философских направлений. В 1963–1964 годах я учился в Тюбингене, и там Эрнст Блох допускал до своего коллоквиума лишь те темы и направления философствования, которые согласовывались с его собственным мышлением. В отличие от него и от немецких институтов, концентрировавшихся тогда на Канте, Хайдеггере или аналитической философии, в Мюнстере была создана приятная и свободная атмосфера, ставшая для меня образцом. Можно было познакомиться со многими направлениями. Кроме того, этот институт занимался в том числе и работой над историей философских понятий.

Риттер и его ученики в 60-е годы начали работу над «Историческим словарем философии». Изначально планировалось написать четыре тома, однако развернувшиеся исследования оказались столь интенсивными, что его объем достиг

² Текст этого параграфа принадлежит Гунтеру Шольцу, здесь и далее перевод Александра Нестерова.

двенадцати томов. В дополнение к этому Риттер и его ученик Карлфрид Грюндер взяли на себя издание журнала «Архив истории понятий». Уже в студенческие годы я оказался тесно связан (как помощник и как автор) с обоими проектами, посвященными истории понятий, и впоследствии стал их соиздателем. Некоторое время я был единственным издателем «Архива». Еще студентом я в этом контексте разрабатывал проект диссертации, заключающийся в том, чтобы на примере истории понятия Sprung [прыжок, сдвиг] показать сложность разработки завершеного мировоззрения. Мой научный руководитель Грюндер высказал пожелание, чтобы я на основе собранных источников написал статью для «Архива истории понятий». Эта статья вышла в 1967 году и стала моей первой публикацией, еще до государственного экзамена. Вплоть до сегодняшнего дня я занимаюсь исследованиями истории понятий. (Сейчас меня интересует, на каких основаниях англосаксонское мышление различает science и humanities, и humanities не являются науками, как у нас науки о духе и о культуре.)

Наряду с философией я изучал германистику (то есть немецкую филологию), позднее и теологию, посещал лекции по социологии, психологии, педагогике, истории музыки и искусства. (Тогда обучение еще не было столь регламентированным и можно было следовать собственным интересам.) В 1968 году я сдал первый государственный экзамен, позволявший работать в школе. Так как в Институте филосо-

фии мне удалось получить место помощника [Studentische Hilfskraft], я зарабатывал немного денег, чтобы учиться в аспирантуре, а Риттер помог мне в конце концов получить стипендию. Я последовал совету моего руководителя Грюндера и написал работу о малоизвестном философе Кристлибе Юлиусе Бранисе [Christlieb Julius Braniß], который в XIX веке разрабатывал метафизику и философию истории. Благодаря этой работе я стал заниматься двумя темами, по которым впоследствии очень много публиковал. Это были, во-первых, философия истории и историзм и, во-вторых, философия Шлейермахера. Собственно, Бранис опубликовал ставшую популярной критику теологии Шлейермахера. Чем глубже я изучал философию Шлейермахера, тем яснее мне становилось, что ее изображение в литературе является чрезвычайно односторонним и искаженным. (В нем видели только философа чувства, никто не погружался ни в его диалектику, ни в его объемную этику, не знали в том числе и то, что структура открывшегося в 1811 году университета восходит к его идеям.) Став известным в качестве специалиста по Шлейермахеру, я получил ряд приглашений, которые привели к новым публикациям.

Мой учитель Грюндер еще в 60-е годы разработал план полного издания работ Вильгельма Дильтея. Он взял меня с собой в качестве ассистента, когда стал профессором в Бохуме. Грюндер позаботился о приглашении Ф. Роды, который основал в институте философии исследовательскую группу,

посвященную Дильтею, каковая и завершила это полное издание, дополнив его четырьмя томами писем. И в этот проект я вошел достаточно рано и являюсь сейчас руководителем группы. (В 2023 году я попытался выиграть грант, который позволил бы создать регистр собрания сочинений Дильтея.) Риттер и Грюндер были, как и Дильтей, заинтересованы в обосновании и утверждении гуманитарных наук, и когда я защитил докторскую диссертацию в Бохуме, я создал в этом направлении два проекта, которые привели к новым приглашениям и публикациям. Я руководил кафедрами в Бохуме и Берлине и после этого получил в Бохуме профессиру по «истории и теории гуманитарных наук», это была первая профессура такого рода в Германии. (После того как я ушел на пенсию, из нее сделали, к сожалению, профессуру по философии сознания [Philosophy of Mind] по стандартному американскому образцу, однако в других землях учреждают профессуры по наукам о культуре и о духе.) В качестве обладателя названной профессуры я продолжил свою издательскую работу в обоих органах по истории понятий, опубликовал по соответствующим темам ряд работ и разрабатывал новые проекты. Так, например, в 80-е годы я занимался вместе с китайским коллегой рецепцией Лао-цзы и до сих пор нахожусь в контакте с ним и с другими коллегами из Китая.

Оборачиваясь назад, я должен сказать, что никогда не верил в то, что философская работа принесет так много меж-

дународных контактов и приглашений. Я был по приглашению во Франции, Польше, Италии, Дании, Китае, Японии, России и Бразилии и нахожусь в контакте со многими людьми из этих стран. Меня удивляет успех книги о философии моря, в Южной Корее она даже была удостоена премии.

Понятие герменевтики в настоящее время получило чрезвычайно широкое значение, так что в одном из интервью со мной, состоявшемся и опубликованном в Бразилии, было написано, что я представляю «историческую герменевтику». Я не стал возражать.

Что мы знаем о понимании?

Сейчас, в 2026 году, кажется, что человека совершенно перестал интересовать вопрос о понимании. Стремление понять себя, другого человека, бога, природу или даже внеземной разум уступило место подготовленной философским постмодернизмом игре в имитацию понимания в диалоге с большими языковыми моделями. Действительно, диалог с машиной – одна из ключевых тем технического поиска после изобретения диалога как такового, а воодушевленный здравый смысл столетиями рисовал себе фантастическую картину такого собеседника, который, владея человеческим языком и умея коммуницировать с человеком, сам человеком бы не был: с таким собеседником, видящим человека снаружи, человек смог бы отказаться от сводящей с ума рефлексии, от создания метаязыков техники и искусства, от бесконечного во времени усилия понимания, от истории и культуры... Философствующие инженеры приложили немало усилий к тому, чтобы вопрос о понимании обсуждался в связи с решением задачи имитации мышления по Алану Тьюрингу или Джону Сёрлу или в свете функциональных систем Норберта Винера или Стаффорда Бира. И эти обсуждения были действительно значимы, а техническое воссоздание понимания еще не одно десятилетие будет передним краем инженерной науки. Однако при обсуждении вопроса о том, пони-

мает ли машина, или сходного, но более общего и действительно трудноразрешимого вопроса, обладает ли машина сознанием, практически исчезла проблематизация самого вопроса о понимании. Вполне очевидно, что вопрос о том, понимает ли машина, зависит от того, как определено понимание для человека и для других живых существ.

Что значит понимать? На этот вопрос отвечает герменевтика как философская дисциплина, посвященная пониманию и интерпретации. Гунтер Шольц предложил деление дисциплин герменевтики, которое упорядочивает и проясняет изобилие разнородных «герменевтик», возникших в XX веке. Следует различать «три формы герменевтики: 1) техническую, или методическую, герменевтику, устанавливающую правила обнаружения смысла текста; 2) философскую герменевтику, занятую поиском условий понимания; и 3) герменевтическую философию, истолковывающую жизненный мир, наличное бытие человека, его историю и т. д.»³. Первая отвечает на вопрос о том, что нужно сделать, чтобы понять, ключевыми являются понятие непонимания и процедуры преодоления состояния непонимания, вторая – на вопрос о фундаментальных предпосылках, обеспечивающих возможность практики понимания, это своего рода теория понимания, третья – на пограничные вопросы человеческого существования, это жизненная мудрость сродни религии-

³ Шольц Г. Корни спора о герменевтике // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3. № 1. С. 107.

озному наставлению.

Техническая герменевтика начинается с анализа состояний непонимания: «Непонимание получается само собой, а понимания в каждом пункте нужно хотеть и добиваться»⁴. С точки зрения теории познания ситуация непонимания эквивалентна знанию о незнании: субъект убежден, что имеет дело с некоторым знаком, однако он не знает значения этого знака. Техника понимания, таким образом, обеспечивает переход от «знака к его значению» (Августин) или «мысль» в акте говорения, то есть понимание – установление корреляции между речью и тем, что в речи выражено и обозначено.

Наиболее известная техника понимания предложена Фридрихом Шлейермахером в начале XIX века, понимание определено как «воссоздание», или «реконструкция» речи, т. е. как работа с текстом, значения которого остались не полностью распознанными его читателем. Процедуры реконструкции зафиксированы в так называемой позитивной формуле герменевтики, включающей в себя четыре этапа, на каждом из которых сознание субъекта занимает определенную позицию по отношению к понимаемой речи: 1) объективно исторический и объективно профетический («*Objectiv geschichtlich und objectiv prophetisch*») требует выявления структуры речи как продукта языка в ее са-

⁴ Schleiermacher F. D. E. *Hermeneutik und Kritik: mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers*. Frankfurt/M., 1999. S. 92.

мом общем отношении к языку эпохи и выявления того, как данная речь сама становится моментом производства языка; 2) субъективно исторический и субъективно профетический («Subjectiv geschichtlich und subjectiv prophetisch») требует выявления того, как речь становится фактом в сознании, как она коррелирует с мыслями, там содержащимися; 3) этап, на котором задача формулируется как необходимость «понять автора лучше, чем он сам себя понимал»; 4) последний этап требует понять задачу третьего этапа как бесконечную, поскольку «то, что мы хотим увидеть в речи, есть бесконечность в будущем и прошлом»⁵. Благодаря переводу Алексея Львовича Вольского⁶ этот текст Шлейермахера доступен русскоязычной аудитории.

В современной аналитической традиции техника понимания как работа с речью представлена, например, Вольфгангом Кюнне, который выделяет шесть ступеней понимания: 1) перцептивное, 2) буквальное, 3) буквальное в данном контексте, 4) схватывание пропозиционального смысла выражения, 5) понимание модального смысла выражения, 6) понимание как объяснение действия говорящего субъекта (как раскрытие контекста, в котором его высказывание объ-

⁵ Schleiermacher F. D. E. Hermeneutik und Kritik: mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers. S. 93–94.

⁶ Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Европейский Дом, 2004.

яснимо)⁷. Аналогичная модель сформулирована Оливером Робертом Шольцем⁸. Отечественный классик Давид Дубровский определяет понимание как процесс расшифровки кодов, т. е. как выявление соответствия между информацией и ее носителем, где задача «понимания» показывается как задача определения механизма преобразования системой «чуждого» кода в «естественный», как задача перевода неизвестного системе кода в известный. В этом случае утверждение о том, что некто «понимает», есть утверждение о том, что этот некто 1) обладает системой естественных кодов, то есть способен оперировать информацией (знаками), 2) способен на фоне системы естественных кодов распознавать нечто ему неизвестное в качестве непонятого кода, где «непонятность» или «непонимание» есть знание субъекта о собственном незнании кода, 3) способен к переводу или трансформации «неизвестного», представленного в виде знания о собственном незнании кода, в известные или естественные коды. Модель Дубровского удобна тем, что с ее помощью можно представить наиболее влиятельные технические модели понимания как способы работы субъекта с системами известных ему кодов, не акцентируя внимание на

⁷ Künne W. Verstehen und Sinn // A. Bühler (Hrsg.) Hermeneutik. Heidelberg, 2003. S. 61–78.

⁸ Scholz O. R. Verstehen und Rationalität. Untersuchungen zu den Grundlagen von Hermeneutik und Sprachphilosophie. Frankfurt/M., 2001.

содержательной интерпретации этих кодов⁹.

Объяснением условий, которые делают понимание возможным, занята философская герменевтика. Это модели Вильгельма Дильтея, Эмилио Бэтти, Карла-Отто Апеля, Ганса-Георга Гадамера. Согласно Гунтеру Шольцу, в основании философской герменевтики лежат следующие убеждения: «1. Понимание – другого или же собственного жизненного мира – является конститутивным для человека и предшествует всякому понятийному и научному познанию. 2. Только на основании истории можно осмысленно говорить об истории, а не на основании фиктивной надысторической точки зрения. 3. Всякое знание имеет не трансцендентальные, но исторические, контингентные предпосылки, такие, которые рационально не реконструируемы. 4. Исторический и систематический аспекты философии нельзя разъединить, потому что вечных проблем существует ровно столько, сколько их может сконструировать лишенный времени и истории язык философов. Во всех высказываниях о прошлом задействуется новое отношение к настоящему, и наоборот»¹⁰.

Понимание, как поясняет Дильтей, – это «распознавание внутреннего по знакам, даваемым нам чувствами извне»¹¹,

⁹ Дубровский Д. И. Сознание, мозг, искуственный интеллект: сб. ст. М.: Стратегия-Центр, 2007. С. 183–203.

¹⁰ Scholtz G. Was ist und seit wann gibt es «hermeneutische Philosophie»? // Dilthey-Jahrbuch. Bd. 8/1992–93. Göttingen, 1993. S. 116–117.

¹¹ Дильтей В. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4: Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 238–289.

обнаружение «я» в «ты», себя в другом¹². Необходимо различать «элементарные» и «высшие» формы понимания. Для Гадамера понимание – это применение языка, ведь «бытие, которое может быть понято, – это язык»¹³. Общая последовательность предлагаемых Гадамером операций понимания следующая: 1) удивление, или «затронутость», индивида, вызванное актуальной неспособностью найти для воспринимаемого объекта или ощущаемого переживания соответствие в собственном опыте восприятия и переживания; 2) формулировка вопроса, вызывающая обращение к ресурсам языка; 3) «растворение горизонтов» в сознании индивида, то есть трансформация прагматических правил, регулирующих опыт применения языка; 4) применение языка в соответствии с трансформированным прагматическим правилом для выражения (обозначения) той ситуации, которая вызвала его удивление¹⁴.

Важное различие технической и философской герменевтик заключается в том, что в первой предметом понимания или непонимания является речь в смысле набора предложений на том или ином языке, во второй – психика, факты

¹² Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Frankfurt/M., 1981. S. 235.

¹³ Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen, 1990. S. 479.

¹⁴ Нестеров А. Ю. Техническая сторона философской герменевтики Г.-Г. Гадамера и Э. Бетти // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326. С. 55–60.

чувственного восприятия, те или иные конструкции мышления, для выражения которых применяется речь. В первой конкретная задача заключается в реконструкции знака как воссоздании его смысла и значения, во второй – в реконструкции самого смысла или самого значения: «Когда мы хотим знать, следует ли нам называть некоторую герменевтику „технической“ или „философской“, нам нужно лишь спросить, переводимы ли ее высказывания в нормы для толкования. Если, например, Шлейермахер говорит, что единичное должно пониматься только из целого, а целое – только из единичного, то из этого следуют императивы, указания. Например, если тебя интересует определенная герменевтика, изучи всю философию ее автора... Но если Дильтей говорит, что понимание подразумевает переживание, или если Гадамер утверждает, что всякое понимание опирается на уже „понятое“ и понимание означает „растворение горизонтов“, то отсюда не следуют никакие правила толкования... Многие конфузы в дискуссии о герменевтике проистекают от того, что не различаются правила толкования и анализ условий понимания, то есть техническая и философская герменевтики»¹⁵.

Герменевтическая философия, связанная с именем Мартина Хайдеггера, использует термин «понимание» для постановки и решения онтологических вопросов, подобно тому как Гегель использовал термины логики для анализа пре-

¹⁵ Scholtz G. Was ist und seit wann gibt es «hermeneutische Philosophie»? S. 98–99

дельных вопросов существования. Герменевтическая философия нуждается в каждом частном случае в отдельном акте технического и философского истолкования, например, Фридрих Дессауэр в последнем полном издании «Философии техники» сформулировал развернутый критический анализ понятия техники в этой модели, оставшийся в историко-философском плане практически без внимания¹⁶.

Сегодня, как показывает Гунтер Шольц¹⁷, мы входим в глобальный кризис индивидуальной субъектности. Технические системы, способные на основе обучения порождать тексты, решают за человека проблему выражения. Но понимание комплементарно выражению: я могу понимать себя, другого субъекта, природу, бога или машину только в той мере, в какой я осуществляю самостоятельную работу над выражением, над рассудочной категоризацией положений дел в мире. Марксист Бертольт Брехт очень изящно сформулировал эту мысль в терминах философии искусства: восхищаться произведением искусства – значит «восхищаться работой, очень искусной и удачной работой»¹⁸. Если за предложением на естественном языке не стоит человек, выразивший тот или иной факт, ту или иную мысль, то или иное эмоциональное переживание, то каким образом может быть применено

¹⁶ Dessauer F. Streit um die Technik. Frankfurt/M., 1958. S. 311–368.

¹⁷ Шольц Г. ChatGPT и устранение человека // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2024. Т. 4. № 3. С. 8–13.

¹⁸ Брехт Б. О литературе. М.: Художественная литература, 1988. С. 145.

семантическое правило, как должен быть осуществлен переход от знака к его значению?

Я думаю, что складывающаяся на наших глазах новая действительность (я называю эту действительность «третьей искусственной природой»¹⁹) потребует от технической и философской герменевтик усилий в двух аспектах. Во-первых, усилия понимающего субъекта по реконструкции смысла и значения (способа задания значения высказывания и самого значения в соответствии с определениями Готлоба Фреге) должны быть поняты как усилия по конструированию смысла и значения. Рецептивная герменевтика как работа с авторским замыслом должна уступить место проективной герменевтике как производству пока еще отсутствующих значений. Это означает, что человеческое понимание воплощается в выражении: деятельность понимания оказывается в собственном смысле технической деятельностью, направленной на создание нового в виде идей, рассудочных конструкций и чувственно воспринимаемых артефактов. Такой подход требует осмысления классического наследия технической и философской герменевтик в контексте философии техники и теории деятельности. Перефразируя Дильтея, можно было бы сказать, что понимание в условиях нашей новой искусственной среды обитания – это не обнаружение себя в дру-

¹⁹ Нестеров А. Ю., Дорошин А. В., Никоноров А. В., Сойфер В. А. Эволюция общества в свете философии техники // Философские науки. 2022. Т. 65. № 2. С. 7–32.

гом, а (вос)создание себя в себе, в другом и в мире посредством разноуровневых систем кодирования.

Во-вторых, ситуация «устранения человека» по Шольцу или «бессубъектной объективности» (эта формулировка принадлежит самарскому профессору Владимиру Андреевичу Виттиху) не является новой в истории человечества: это ситуация мифопоэтического, архаико-магического или первобытного мышления и мировоззрения, не знающего деления на субъект и объект, осуществляющего техническое действие без науки и диалога с природой, не знающего авторской (сугубо человеческой) философской рефлексии. Если в начале XX века Петр Энгельмейер, создавая первую системную теорию техники, иллюстрировал разницу между познанием и техникой глаголами «гадать» и «ворожить»²⁰, Эрнст Кассирер, описывая восхождение духа от биологического к символическому самоопределению, фиксировал преодоление магии рациональным техническим действием²¹, Отто Нейрат видел преодоление магии сначала в теологии, а затем в науке и технике²², то в 20-х годах XXI века мы должны констатировать возвращение на новом уровне технического развития к магическим, внеавторским и во многом внера-

²⁰ Энгельмейер П. К. Теория творчества. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 36.

²¹ Cassirer E. Form und Technik // E. Cassirer. Symbol, Technik, Sprache. Hamburg: Meiner, 1985. S. 39–91.

²² Neurath O. Empirische Soziologie. Der wissenschaftliche Gehalt der Geschichte und Nationalökonomie. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 1931. S. 4–18.

циональным формам работы с символическими системами. Понимание текста в подобной неоархаической модели – это выявление того, что в окружающей действительности можно сделать посредством этого текста. (В режиме экспериментирования такого рода несколько последних лет действуют, например, школьники и студенты, зачитывающие экзаменаторам формулировки, созданные большими лингвистическими моделями.) Техники понимания и интерпретации в этой ситуации аналогичны тем, что использовались и используются филологами и историками при работе с преданием, с памятниками устного народного творчества от эпоса до заговора. Отдельной и крайне сложной задачей является воспроизведение в проективных контекстах философии техники и теории деятельности европейских техник интерпретации, как они кодифицировались, начиная с Христиана Вольфа и Фридриха Майера в XVIII веке и вплоть до теории значения Вольфганга Изера.

Системы знания

Процедуры понимания, как правило, осуществляются вне рефлексии, без каких-либо рационально построенных моделей, в которых субъект видел бы себя агентом, строящим или применяющим ту или иную систему оснований. Классик отечественной философии Иван Иванович Лапшин около ста лет назад предложил герменевтическую схему рождения и развертывания рефлексии в процессе использования языка: мышление останавливает себя в афоризме, значение афоризма конкретизируется в диалоге, диалог же порождает систему объективного знания²³. Это изящная, гегельянская по существу, схема, позволяющая, с одной стороны, увидеть в истории метафорического высказывания рождение новых исторических эпох, с другой – проанализировать построение систем мироздания на основании диалога участвующих в нем сторон, характера вопросов и ответов. В первой трети XIX века оппозиция между диалогическим и системным мышлением – это, в том числе и политическое, противостояние Гегеля и Шлейермахера: второй сделал всё возможное, чтобы не допустить Гегеля в Прусскую академию наук, первый же основал свое собственное «Общество научной критики». Как ни парадоксально, но сегодня – и об этом пишет

²³ Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии. М.: Республика, 1999. С. 161–164.

Гунтер Шольц – в вопросе организации научной жизни, научной коммуникации мы являемся последователями не Гегеля, но Шлейермахера.

Ситуация научной коммуникации строится вокруг вопроса о том, кто и на каком основании уполномочен говорить от имени разума, на каких основаниях утверждается система знания. Этот вопрос сегодня актуален не в меньшей степени, нежели сто и двести лет назад. Важно понимать специфику ответов:

Гегель был убежден, что его спекулятивная философия схватывает и артикулирует разум, Шлейермахер же придерживался точки зрения, что разум раскрывает себя лишь в процессе коммуникации <...> Гегель очевидным образом не стремился вступать в процесс научной коммуникации, он стремился лишь учить и поучать²⁴.

Если система Гегеля хорошо известна и проинтерпретирована десятками влиятельнейших эволюционных моделей – от теории деятельности до теории литературы, – то подход Шлейермахера, лежащий в основании актуальной системы всемирной научной коммуникации, академий наук и научно-исследовательских университетов, в эксплицитном виде практически не исследован. Гунтер Шольц фиксирует следующие наиболее существенные тезисы этого подхода:

- Происхождение знания лежит в абсолютном,

²⁴ Scholtz G. Ethik und Hermeneutik. Frankfurt/M., 1995. S. 148.

которое само по себе не может стать предметом знания. Поэтому в Академии нет места спекулятивной теологии, и в университете она остается проблемой.

- Процесс познания – по существу, диалог, процесс коммуникации. Поэтому академия необходима в качестве института своего рода всеобщего «научного сообщества».

- Философия в виде «всемирной мудрости» в полном объеме этого понятия существует лишь как бесконечно отдаленная цель, к которой науки прогрессируют вместе. <...>

- Философия и теория, с одной стороны, и эмпирические науки – с другой, должны выработать свой концептуальный аппарат и всё глубже проникать друг в друга. По этой причине необходима институциональная кооперация университета и Академии.

- Наука сама ставит себе цели, является формой нравственности и содержит в своем завершении мудрость. Опосредованно она служит и другим сферам, например, государству в задачах овладения природой или церкви при формировании теологии.

- Научное сообщество нуждается в государстве как условия своего существования, но не в его авторитете для продвижения своих взглядов. В том же смысле Вильгельм фон Гумбольдт требовал свободы Академии от вмешательства государства²⁵.

²⁵ Scholtz G. Ethik und Hermeneutik. S. 167–168.

Сегодня, когда, с одной стороны, звучат голоса об отказе от индуктивного подхода, от научного метода, от диалога с природой в пользу применения статистических моделей, а с другой – университеты и академии переживают существеннейший после Гумбольдта перелом, связанный с решением задачи практического применения производимого знания, голос Шлейемахера звучит более чем актуально. Мощь человечества как разворачивающегося в историческом процессе субъекта измеряется способностью отдельных акторов договариваться, создавать этические, правовые и коммуникативные нормы, применение которых влечет рост сложности создаваемых человечеством систем в технике, политике и искусстве. Истории и упадку прогресса в историческом движении сначала к благу, истине и красоте, затем к гуманности и свободе и, наконец, к пользе, посвящена публикуемая монография Гунтера Шольца «Философия моря».

Как работает история?

Гунтер Шольц создает глобальные ориентиры не только в области теории понимания, но и в области философии истории. Это традиционная сфера классического гуманитарного знания, сейчас вновь находящаяся в фокусе академического интереса. Как меняется понимание одних и тех же слов, связей между словами и вещами в ходе истории? Как одни и те же исторические события интерпретируются совершенно разными способами? Каковы законы истории и культуры, если они в качестве механизмов небιологического наследования информации и создают собственно человеческое в человеке? Человек – это один из возможных способов соединения самостоятельно существующих миров. Классический дуализм, плюрализм Карла Поппера или Фридриха Дессауэра формулируют разные сценарии этого соединения, однако именно история является ареной, на которой оно фактически осуществляется, фиксируется в артефактах и оказывается доступным для исследователя. Используемый Гунтером Шольцем метод истории понятий позволяет наглядно продемонстрировать разворачивание рефлексии, формулирование точек зрения, вопросов и аргументов относительно вполне, казалось бы, очевидных положений дел.

Монография «Философия моря» посвящена морю как своего рода зеркалу, в котором европеец видит себя на про-

тяжении последних трех тысяч лет известной истории, в устройстве которого он пытается разобраться.

Всё, что человек думает, говорит, пишет, осуществляется из перспективы обитателя суши. Будь он морским животным с жабрами и плавниками, он воспринимал бы мир совсем иначе, имел бы иное мышление и иную философию <...> Если человек хочет знать, кем он является, он должен сначала знать, кем он не является. По этой причине в традиции он понимает себя в качестве не-Бога, и в то же время, пусть и в качестве сухопутного животного, но не простого животного, а особенного, в качестве *zoon logon echon*, как говорил Аристотель, то есть в качестве животного, которое умеет говорить и думать, и тем самым отличается от других. Если мы хотим узнать человека поближе, то полезно узнать, как он думает и говорит <...> В Новое время это называют рефлексией или самоосмыслением. Дух обнаруживает себя в том, как он относится к природе, к земле и морю (с. 36).

Человек в историческом процессе есть одновременно мыслимое и мыслящее, и предмет, и субъект осмысления. Структура человеческого самоосмысления нуждается в устойчивых – объективных и вневременных – формах, на фоне и по отношению к которым можно было бы зафиксировать образ человека. Море как внешняя форма сопровождает европейское мышление на протяжении всей его истории, в первую очередь в виде Средиземного и Черного мо-

рей, в виде Балтики и Каспийского моря. Первая глава книги посвящена философскому наследию Фалеса и Гераклита, рождению собственно философии в качестве авторской рефлексии над сущим как таковым. Греки действительно изобретают афоризм как способ употребления языка, создавая тем самым условие возможности непрямого высказывания, слова, обозначающего не только факты внешнего мира, но и внутренние процессы мышления и выражения, той речи, что досталась нам в наследие в виде художественных и философских выражений, отсылающих к знанию о том, что и как есть или могло бы быть. Море раскрывается в его физической и духовной связи с человеком:

Фалес и Анаксимандр говорили о физической связи человека с водой... у Гераклита и его последователей обнаруживается и духовная связь: для понимания подвижной действительности в качестве инструмента мысли используются опирающиеся на воду образы и представления. Да и наши способы выражения для изменений в человеческом мире – река времени, духовное течение, волна моды, политический прорыв, поток мигрантов и т. д. – это почти целиком метафоры воды и моря (с. 59).

Вторая глава посвящена Платону и рождению жанра новоевропейской островной утопии. Платон выражается в метафорах солнца и света, море и вода используются им для того, чтобы продемонстрировать угрозы, опасности, плачевность

нашего положения. Морально-нравственная слабость человека связана с морем, прибрежные города вследствие торговли подвержены тлетворному влиянию чуждых обычаев. Собственно говоря, уже в первом дошедшем до нас эпосе море связано со смертью, хаосом, небытием:

Как одолею воды смерти,
Как переправлюсь чрез широкое море?²⁶

Платон закрепляет во многом традиционный взгляд на иерархию сущего; Аристотель и Цицерон, учитывая критику Платона, высказываются уже иначе. Платону принадлежит первая утопия, рассказ об Атлантиде в диалогах «Тимей» и «Критий», после эпохи Великих географических открытий породившая жанр островной утопии. Гунтер Шольц подробно анализирует произведения Мора, Бэкона, Кампанеллы, Гейнзе, Гарринтона. Несомненно, что для европейской культуры, в том числе и современной, наибольшей значимостью обладает утопия Фрэнсиса Бэкона, посвященная овладению природой: по пути, проложенному воображением английского философа, пошла европейская цивилизация, создав век науки и техники. К Бэкону обращается в начале XX века Гуго фон Гофмансталь²⁷, когда стремится про-

²⁶ Эпос о Гильгамеше. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 66.

²⁷ Гофмансталь Г. фон. Письмо // Гуго фон Гофмансталь. Избранное. М.: Искусство, 1995. С. 518–529.

яснить духовный кризис своего поколения, выраженный в неспособности выразить мироздание в словах; к Бэкону обращается и Ф. Кафка²⁸, демонстрируя чудовищную неантропоморфность машинной цивилизации, на Бэкона ориентируются духовидцы XX и XXI веков, вновь и вновь воссоздавая образ «Дома Соломона»²⁹. Изобретение диалога с природой, в равной мере принадлежащее Галилею, Бэкону, Ньютону (*natura non nisi parendo vincitur*), сопровождается постановкой вопросов о счастье и о благе, о смысле и целях науки. Ключевая же мысль Бэкона заключается в том, что

знание способно продвигаться вперед лишь за счет использования инструментов, как технических, таких, как подзорная труба, так и духовных, таких, как учение о методе, и только таким способом оно может помочь в решении жизненных задач. Поэтому философу следует по возможности экспериментировать самому, ему нужно отказаться от своей созерцательной позиции, от удовольствия участвовать в остроумных словесных поединках, стать техником и изобретателем (с. 82).

В третьей главе книги Гунтер Шольц показывает становление естественного права у Гуго Гроция: может ли море быть собственностью отдельного государства или оно принадлежит всем? Современное морское право восходит к дис-

²⁸ Nesterov A. Yu. *Intellectus ex Machina // Technology and Language*. 2024. № 5(3). P. 138–144.

²⁹ Стивенсон Н. Анафем. М.: АСТ; Астрель, 2011.

куссиям XVII века, равно как и вопросы биоэтики, поднимаемые в четвертой главе. В свете истории понятий чрезвычайное значение имеет анализ античного понимания теории:

Сегодня любое мнение, размышление и гипотеза могут быть названы теориями. Теория стала обычным словом, и часто его даже используют в уничижительном смысле: «просто теория» – так называют переплетение мыслей, не имеющих никакой связи с реальностью. Однако изначально теория постигала нетленную реальность, истинно сущее, она была тщательно отделена от всех специальных знаний и простых мнений и занимала высшее место в духовно-нравственной жизни человека (с. 118).

Картину мира, подразумеваемую *theoria*, Шольц реконструирует с помощью Аристотеля и Лукреция, в XIX веке – через Александра фон Гумбольдта и Карла Риттера: Риттер, «как и Гумбольдт, призывает понимать природу как великую взаимосвязь, где всякое единичное – часть целого, великого целого, где полярные силы и противоположности создают гармонии или стремятся к равновесию, а все различия в конечном счете предполагают глубокое единство» (с. 225).

Античная теория в аспекте эстетики раскрывается в категории возвышенного. В пятой главе книги прослеживается история этого понятия в связи с морем, от Эдмунда Бёрка до Карла Розенкранца. Если прекрасное – это «чувственное свечение идеи» (Гегель), своего рода растворение в созерца-

емом, и оно раскрывает себя в наблюдении как естественной природы, так и произведений искусства, то возвышенное – это переживание превосходящей мощи природы, мироздания, ее величия, оно связано, как правило, с природными явлениями, с XX века – с грандиозными техническими сооружениями человечества, и крайне редко – с произведениями искусства. Интерпретируя Канта, Гунтер Шольц говорит:

Перед лицом природы, которая кажется нам возвышенной, мы познаем две вещи: с одной стороны, нашу ничтожность, бессилие и конечность в качестве природных существ, а с другой – нашу принципиальную независимость от природы в качестве существ разумных. В чувстве возвышенного, таким образом, соединяются наше ощущение физического бессилия и духовного превосходства» (с. 160).

Взгляд *uno aspectu* позволяет выделять и анализировать движущие силы истории. Гунтер Шольц постоянно возвращается к работам Иоганна Гердера и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Первый видел в истории осуществление принципа гуманности, второй – принципа свободы: «Оба мыслили – как сегодня говорят – европоцентрично, поскольку видели в Европе исток всемирно-исторических перемен. Эта перспектива была неразрывно связана с тем принципиальным критерием, который каждый из них примерял ко всей человеческой истории: у Гердера это гуманность, у Гегеля – свобода. Начало формирования этих принци-

пов оба видели прежде всего в Европе, мировая же история, как им казалось, занята их постепенным разворачиванием до всеобщей значимости» (с. 225). Овладение морем как способ осуществления истории, разворачивающей определенный принцип, – это мысль, оказавшая колоссальное влияние на теории прогресса XX века. В эпоху технического освоения околоземного пространства способ видения и понимания этого пространства определяется отношением к земному океану: Циолковский, Шкловский, Лем вольно или невольно воспроизводят идею овладения ближним и дальним космосом как идею освоения моря и связанную с ней идею освобождения от земных обусловленностей. Например, Станислав Лем в «Сумме технологии» цитирует доклад советского астрофизика Кардашева на конференции в 1964 году, предложившего три гипотетических типа цивилизаций вплоть до «„суперцивилизаций“, которые овладели энергией своей галактики»³⁰.

Концу истории прогресса Гунтер Шольц посвящает завершающий параграф книги. В первой трети XX века в немецкой философии истории, начиная с Освальда Шпенглера, господствуют антипрогрессистские идеи:

Шпенглер, Бекманн и Шмитт в своих взглядах на историю отказались от идеи общего прогресса к гуманности и свободе и выбрали совершенно

³⁰ Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica; Минск: Харвест, 2004. С. 124.

иные руководящие принципы для отбора материала и его интерпретации. У Бекманна это морские и земные силы, у Шпенглера и Шмитта – стремление к самосохранению и завоеванию власти. Именно поэтому эти авторы более не знают цели развития для всего человечества; они хотят быть полезными в лучшем случае своей собственной нации. Тому, кто считает такой подход более правильным и близким к реальности, чем прежняя философия истории, следует заняться философией Канта. Поскольку мы действуем так, как мыслим, Кант выдвигает требование, чтобы мы, несмотря на все невзгоды и трудности, верили в возможность прогресса на пути к всеобщему миру. Только это приведет к ответственному действию (с. 239).

Автор завершает эту главу и книгу отсылкой к Фернану Броделю, метафорой моря как истории:

На самом глубоком уровне полностью господствует море, и поэтому он почти неподвижен; на втором, среднем, уровне происходят социальные изменения, которые протекают очень медленно; только третий, самый верхний уровень, событийная история, полон волнений и быстрых перемен; на этом уровне мы обнаруживаем драматические изменения, революции и войны. Таким образом, сама история напоминает море, на глубоком дне которого может царить спокойствие, в то время как на поверхности бури вздымают высокие волны, а между ними проходят вполне равномерные

течения. <...> Сюда же относится и учение о человеке. Все мы имеем внутри себя эти три слоя, наша жизнь пронизана ими. Мы не только сохраняем некоторые черты поведения наших предков, но и перенимаем в той или иной мере новые привычки, вплоть до использования новейших технических устройств (с. 241).

Человек – сухопутное животное. Заключение

Ключевой проблемой философствования был и остается человек. Опубликованные в серии «*Spatium cosmicum ad vivendum*» работы Гунтера Шольца и Фридриха Дессауэра объединяет стремление найти объективные основания для реалистского взгляда на себя, лишённого произвольной субъективности. Если у Дессауэра таким основанием является техника и вызываемая ею к жизни новоевропейская наука, то у Шольца – коммуникация и ее историческое развертывание в формах объективного духа.

Монография «Философия моря» не содержит в себе и не подразумевает геополитического контекста, в котором сейчас звучит оппозиция «цивилизации суши» и «цивилизации моря», однако она, вне всякого сомнения, будет полезна специалистам и по геополитике, и по планированию будущего. В завершение этого небольшого экскурса я бы предложил обратить внимание на два социально значимых момента, в интерпретацию которых эта книга и в целом философское наследие Гунтера Шольца вносят крайне весомый вклад.

Первый – это уже упоминавшаяся проблема субъектности. Возникающий в третьей искусственной природе кризис субъектности технически выражает себя во всё более системной и последовательной передаче интеллектуальных

функций человека машине, идеологически – в фактическом отсутствии в глобальной повестке позитивного образа кооперации человечества с самим собой и с природой, отсутствии глобального целеполагания. История говорит нам о том, кто мы есть, – этот тезис Вильгельма Дильтея в полной мере раскрывается в философии истории и истории понятий Шольца: субъектность как выражающая себя в коммуникации герменевтическая спираль процессов познания и деятельности сохраняет себя в истории и тем самым может быть воспроизведена как для индивидуального, так и для коллективного субъекта любого уровня.

Второй – классическая проблема рефлексии. Человек обнаруживает себя в том, как он учитывает нечеловеческое в познании, деятельности и коммуникации. История взаимодействия человека и моря, рассказанная Гунтером Шольцем, на самом деле продолжается во взаимодействии человека и космоса, и это, очевидно, вторая часть работы, которую еще только предстоит сделать, ответив на вопрос, является ли человек (только) «земным животным».

Александр Нестеров, 2026

Введение

Круиз в море философии

То, что мы называем здесь философией моря, – это не некая новая специальная философия, которую можно было бы поставить в один ряд с философией духа, религии, искусства и т. д., скажем, в качестве подраздела естественной философии. Во многом речь идет о философии как таковой, выстраиваемой вокруг главного вопроса, вопроса об отношении философского мышления к морю. Преимущество такого подхода заключается в том, что можно использовать нечто наглядное в качестве подспорья для движения по сухому пространству понятий.

Море – отнюдь не незначительный предмет, поэтому о его отношении к философии написано немало [1]³¹. В конце концов, три четверти Земли покрыты водой. Но человек – это двуногое сухопутное животное. Море для него – нечто неизведанное, опасное: там, где начинается море, заканчивается жизненное пространство сухопутных животных. Следовательно, именно в отношении к этой чужеродной стихии проявляется то, кем является человек. Проникнуть вглубь опасной для себя среды человек может лишь с помощью

³¹ Цифрами в квадратных скобках обозначены авторские затекстовые примечания на с. 250–275. – Примеч. ред.

своих изобретательских способностей, путем строительства плотов, лодок, кораблей и подводных аппаратов. Лишь в качестве homo faber, в качестве техника и культурного существа, человек добывает всё более точное знание о море, а его отношение к морю показывает актуальный уровень развития его культуры. Философия – часть культуры и одновременно ее отражение.

Всё, что человек думает, говорит, пишет, осуществляется из перспективы обитателя суши. Будь он морским животным с жабрами и плавниками, он воспринимал бы мир совсем иначе, имел бы иное мышление и иную философию. В этом случае человека характеризовал бы ответ на вопрос о его отношении к суше и к сухому. Вероятно, он много размышлял бы, исполненный страхом и любопытством, о возможности пустого пространства и сухой земли, о возможности жить по ту сторону поверхности воды. И тем самым он показывал бы, что он морское животное, лишь за счет этого он вообще знал бы, что это значит, – жить в воде и быть морским животным. Потому что лишь посредством непривычно влажного мы что-то знаем о нормальном сухом и наоборот; точно так же мы имеем понятие дня за счет опыта ночи.

Если человек хочет знать, кем он является, он должен сначала знать, кем он не является. По этой причине в традиции он понимает себя в качестве не-Бога и в то же время, пусть и в качестве сухопутного животного, но не простого животного, а особенного, в качестве zoon logon echon, как говорил

Аристотель, то есть в качестве животного, которое умеет говорить и думать и тем самым отличается от других. Если мы хотим узнать человека поближе, то полезно узнать, как он думает и говорит. Ведь он делает это очень разными способами. Поэт думает и говорит о море иначе, нежели химик. Особым способом мышления и говорения является философия. Именно она является предметом нашего анализа. Одна из ее особенностей заключается в том, что она, размышляя и говоря о предметах, говорит по большей части о человеке. Она удерживает в фокусе внимания и того, кто именно думает и говорит. В Новое время это называют рефлексией или самоосмыслением. Дух обнаруживает себя в том, как он относится к природе, к земле и морю.

По этой причине философия – это всегда философия человека в двойном смысле: человек есть мыслящий и одновременно мыслимое. То же действительно и для философии моря. При этом она отличается от океанологии. Последней приходится сегодня принимать во внимание не только геологические факторы, но и цивилизационные, в силу чего человек имеет для нее некоторое значение. Речь тут идет, однако, не о человеке как таковом, но о человеке, оказывающем влияние на море. Его философия моря тоже не может не учитывать.

Как и во время круиза, когда туристы могут осмотреть лишь те города, что расположены недалеко от побережья, предстоящее путешествие мысли вынуждено ограничиться

определенными местами. Во внимание принимаются лишь те философии, в которых море играет особую роль. Тем самым за бортом остается много важного. Но возможно, это и неплохо, потому что философия в ее совокупности может переутомить посетителей точно так же, как и осмотр всех городов этого мира. И внутри рассматриваемых областей многое остается за пределами нашего внимания. Во время прогулок по суше в морском круизе едва ли возможно осмотреть и понять всё достопримечательное, точно так же каждая из упоминаемых в дальнейшем философий заслуживает более подробного разъяснения, чем мы можем предложить в рамках данной работы. Тем не менее круизы способны расширять наш горизонт. Они знакомят с новым, позволяют осмотреться вокруг и побуждают к сравнениям.

Как экскурсовод старается не только рассказать о достопримечательностях, но и показать их, так поступаем и мы, приводя оригинальные цитаты. Не только руководитель путешествия будет иметь слово, но и сами тексты смогут говорить за себя. Язык философов может звучать непривычно, но чужестранный характер имеет свою прелесть, как и, например, стиль архитектурного произведения.

Путешествие в царство духа делит с развлекательным туризмом обязанность отбора и ограничения, однако предлагает необозримые преимущества. Когда мы покидаем на корабле ту или иную гавань, она продолжает существовать для нас лишь в воспоминании. В путешествии мысли, напротив,

можно в любой момент быстро вернуться, можно в целом лавировать гораздо смелее, направлять внимание на далеко отстоящие друг от друга интеллектуальные позиции, беспроblemно переходить, например, от античной философии к современной и назад. Это возможно хотя бы уже потому, что области, кажущиеся расположенными друг от друга далеко, могут быть тесно связанными, или потому, что их характер отчетливее проявляется в контрасте друг с другом.

Кроме того, проведение границ между отдельными философскими дисциплинами часто затруднено. Тот, кто знаком с соответствующей литературой, может уже на основании оглавления предполагать, что речь здесь идет об очень разных областях: о метафизике и философии природы, этике и эстетике, политической и социальной философии, философии права и истории. Если во время круиза в любой момент можно знать с определенностью, идет ли путь вдоль итальянского или греческого побережья, то разделы философии никоим образом не отграничиваются друг от друга с той же четкостью. В работе Платона о государстве, например, обнаруживаются метафизика, теория познания, этика, политика, педагогика, философия искусства и т. д., и всё это тесно переплетено между собой. Это сплетение относится к природе философии. Она является областью знания, которая позволяет видеть поверх границ и противится сужению до специальных областей. Поэтому в эпоху всё более специализирующихся наук она не соразмерна времени – специ-

альная дисциплина для не-специального, для общего. И поэтому она несовременна. Или, возможно, именно поэтому современна? Мир, в котором мы живем, дифференцирован различными способами: на городскую и сельскую местность, на частное и общественное пространство, на зиму и лето и т. д. Но его невозможно поделить на научные дисциплины, такие как физика и химия, социология и психология. В этой связи философия гораздо ближе к нашей повседневной жизни, нежели узкоспециализированные дисциплины.

Уже философ Гегель сравнил свой предмет с морем. В своей речи в честь вступления в должность профессора Берлинского университета в начале 1818 года он, настраивая своих слушателей на приключение философствования, сказал, возможно, шокируя студентов, что мир философии – это мир мыслей, и поэтому нужно потерять слух и зрение в буквальном смысле слова:

Решение заняться философствованием бросает человека в чистое мышление (мышление само по себе одиноко), – это решение бросает его будто в бескрайний океан; все яркие краски, все опоры пропали, все прочие дружественные огни потухли. Горит одна-единственная звезда, внутренняя звезда духа; это Полярная звезда. Но это естественно, что сумерки окружают дух в его одиночестве; пока неизвестно, чем это завершится, куда попадешь [2].

Но это не должно вызывать опасений или пугать. В каче-

стве участника круиза нет нужды в самостоятельном прокладывании курса или умении плавать. Если всё идет хорошо.

1. Вода как основной принцип

Всё есть единое

Колыбель философии стояла у моря, и ее основным принципом была вода. Первым философом в греческой Античности считался Фалес Милетский, живший около 600 года до н. э. Его родной город, античный Милет, был мощным греческим торговым центром на западе Малой Азии, располагавшимся на выступавшей в залив косе.

Фалес не оставил никаких письменных текстов, и ничего из того, что сообщается о нем в сохранившихся источниках, не может быть полностью достоверным. Определенно и совершенно бесспорно лишь то, что Аристотель в IV веке до н. э. назвал Фалеса первым философом, который увидел мир основанным на одном-единственном принципе: на принципе воды, и при этом в двойном смысле. Вода была для Фалеса, согласно Аристотелю, несущим основанием, на котором расположена вся суша, подобно куску древесины или плавающему кораблю, и вместе с тем источником всего, первоисточником, из которого проистекают все вещи и в который они вновь погружаются.

И это не случайно, что именно в торговой метрополии с ее портами и разнообразными контактами с другими культурами

ми зародилось философское мышление. Тот, кто живет в таком городе, получает знания иных языков и способов мышления, знакомится с чужими обычаями и религиями. Благодаря познанию многообразия убеждений и форм знания, модели мышления в родной культуре теряют свою естественную самоочевидность. Лучшего подспорья для формирования самостоятельного мышления нельзя себе и представить. Например, когда рассказываются совершенно разные истории о происхождении мира, напрашивается вопрос, какая же из них верна, где истина. Многообразие мнений – это та незаживающая рана, которая подтачивает нашу уверенность и требует работы собственного рассудка. Наконец, рассказы о чужих народах пробуждают воображение. Фалес, как сообщается, даже ездил в Египет, чтобы познакомиться со знаниями тех мест.

Даже если кажется логичным, что прибрежный город Милет около 600 года до н. э. оказался плодородной почвой для возникновения философии, основной принцип Фалеса остается всё же непонятным. Потому что вода может быть важнейшей основой существования жизни, она необходимое, но, однако, недостаточное условие для нее. Поэтому кажется ошибочным допускать, что всё воспринимаемое нами, весь мир, произошло из воды. И всё же в поиске и именовании одного-единственного принципа и состоит собственно философское. Так полагал уже Аристотель, и это стоит немного пояснить.

Аристотель сообщает о принципе Фалеса в своем важнейшем произведении, центральном для всей его философии. Он сам назвал его «Первой философией», мог бы назвать и «Высшей», но благодаря его ученикам книга получила название «Метафизика», кстати, она стала первой книгой такого рода. Это произведение, которое занимается основаниями всего бытия и мышления и содержит «знание первопричин», как говорит Аристотель. При разъяснении различных причин он стремится привлечь к совету тех философов, кто ранее уже размышлял над общими принципами и причинами. набросок о мышлении древнейших философов, который рисует Аристотель, краток, но очень содержателен, ведь с рассказом о начале философии определяется и ее сущность.

Первые философы, по словам Аристотеля, знали лишь материальные принципы. Они мыслились как то, из чего всё происходит и во что вновь возвращаются все вещи. Сами принципы считались вечными и неизменными, менялись лишь их свойства. Возникновение и исчезновение всего подразумевает в конце концов нечто устойчивое. Относительно количества и вида этих принципов не было единства мнений. Аристотель продолжает:

...Фалес – родоначальник такого рода философии – считает его водою (вследствие чего он и высказывал мнение, что земля находится на воде); к этому предположению он, можно думать, пришел, видя, что пища всех существ – влажная и что само тепло из

влажности получается и ею живет (а то, из чего <всё> возникает, – это и есть начало всего). Таким образом он отсюда пришел к своему предположению, а также потому, что семена всего <что есть> имеют влажную природу, а у влажных вещей началом их природы является вода [1].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.